

*Посвящается Людмиле Селивановой.
Такие женщины, подобно комете Галлея,
появляются раз в столетие.*

Неприятель отражен на всех пунктах.

*Из донесения М. И. Кутузова
Александрю I*

— Я ответила на ваш вопрос?

Очки ведущего как-то неожиданно высунулись вперед и блеснули с изящным ехидством.

— О да, — пылко ответил он и, моментально изменив тон с пылкого на интимный, продолжил: — А вот еще говорят... думаю, что многие наши зрители не раз слышали... говорят, что вы каждый день меняете шубы. Это правда?

Инна улыбалась.

— О да, — воскликнула она с бумеранговой пылкостью, — конечно, правда, Гарик!

После чего перегнулась через голубой сверкающий стол и добавила почти шепотом — впрочем, шепот этот отлично был слышен как в наушниках у всей съемочной команды, так и с той стороны экрана, где находилась, как это принято называть, «зрительская аудитория».

— Гарик, — прошептала она, — хочу вам признаться. Я каждый день меняю шубы, бриллианты и мужчин! Только никому не рассказывайте!

Такого ведущий никак не ожидал, да еще под самый занавес. Глаза за стеклами интеллигентных очков стали растерянными. Вообще Инне было его жалко — взялся, бедолага, интервьюировать знаменитостей, а они вон какие штуки откалывают, черт бы их побрал!.. Попробуй уследи за ними, когда в сценарии у тебя одно, а в эфире выходит совсем другое!

Инна молчала. Гарик решил, что нужно засмеяться, — и засмеялся неуверенно. Она его не поддержала.

— И вы, — заговорил он, — так легко в этом признаетесь?..

— В чем, Гарик? — неторопливо спросила она, и он понял, что на этот раз точно угодил в ловушку.

Ему теперь придется повторить про «шубы, бриллианты и мужчин», а делать этого никак не следовало, наоборот, нужно бы «проехать», «проскочить» опасное место и больше к нему не возвращаться, а он вернулся — сам! — и попал прямо в пасть к беловолосой мегере!

— Э-э, — тоскливо проямлил Гарик и с неуклюжестью слона перешел прямо к следующему вопросу: — Инна, у вас хорошие отношения с губернатором Белоярска?

— Гарик, а у вас хорошие отношения с министром печати?

Нет, все-таки она решила его добить, эта стерва!..

— С министром печати? — переспросил он жалобно. — А почему, собственно... Да нет, у меня с ним никаких отношений нет — ни плохих, ни хороших!

— У меня тоже нет ни плохих, ни хороших отношений с губернатором Белоярска.

— Позвольте, но вы ведь работаете... в администрации Белоярского края, а краем руководит губернатор...

— Но вы ведь тоже работаете на телевидении, а телевидением руководит министр.

— Не напрямую, не напрямую! — Не хватало ему еще, чтобы она затеяла разговор о свободе слова, когда до конца эфира осталось тридцать секунд!

— Губернатор Белоярска тоже не руководит мной... напрямую, Гарик!

Все это было двусмысленно, странно, с подвохами, да еще такими, с которыми он не умел справиться!

Наушник напомнил ему, что пора бы попрощаться, и он с радостью и облегчением проговорил, глядя в черную дыру камеры:

— Сегодня у нас в гостях была Инна Васильевна Селиверстова, руководитель информационного управления администрации Белоярского края. Я прощаюсь с вами до завтра и надеюсь, что мы встретимся вновь в программе «Единственный герой». С вами был Гарик Брюстер.

После чего некоторое время они посидели неподвижно, как сфинксы, улыбаясь стеклянными улыбками — друг другу.

В мониторе завертелась реклама, и голос ниоткуда сказал на всю студию довольно кисло:

— Отлично. Всем большое спасибо.

Даже без этого кислого голоса было ясно, что эфир неудачный.

Ведущий выдернул из уха микрофон. Инна расслабилась — закинула одну ногу на другую. Ноги были безупречные. Она никуда не спешила.

— Спасибо вам, Инна Васильевна, — поблагодарил ее Гарик досадливо. Шнур застрял под пиджаком и никак не вытаскивался.

— Не за что, Гарик, — откликнулась она.

Улыбка была ледяной и сладкой. Гарик поежился, словно это ледяное и сладкое вылилось ему за шиворот.

Подскочили бойкие молодые люди и проворно отцепили от микрофонов Инну и запутавшегося Гарика.

— Э-э, — протянул Гарик, который уже видеть ее не мог, — вас проводит... вот... Сережа.

— Спасибо.

За камерами в сумерках студии возникла продюсерша — средних лет, в брюках и мятом пиджаке.

— Инночка, все получилось отлично! — Много

лет никто не называл ее Инночкой, да еще на людях, но на телевидении свои законы. — Немножко в конце... смазано, но это не страшно! Наш Гарик просто чуть-чуть растерялся. Еще раз спасибо, что пришли.

Гарик не «чуть-чуть растерялся», а чуть в обморок не упал, поправила ее про себя Инна. Впрочем, как известно, «чуть-чуть» не считается.

— Мы пришлем вам кассету с записью эфира. Вам нужна запись?

— Хотелось бы.

Она должна посмотреть, где и какие сделала ошибки, да и вообще — как сидела, как смотрела, как отвечала, как выглядела, как была причесана. Она всегда анализировала свои эфиры тщательно, придирчиво и отвлеченно, как будто там, в телевизоре, была вовсе не она, а какой-то другой человек, и этот холодный и пристрастный взгляд всегда позволял ей найти собственные оплошности, учесть и в следующий раз избежать их.

Она изо всех сил старалась не походить на запыленных «государственных» теток, дающих интервью «из нашей студии «Россия», в прическах с начесом, путающихся в словах и не умеющих улыбаться. Она старалась — и ей это удавалось.

Уверенно держась на высоченных тоненьких каблучках, она подошла к краю подиума, на котором помещалась декорация, и, не глядя, протянула руку.

Тотчас же протянулась мужская рука, которая вежливо помогла ей сойти на студийный пол.

— Спасибо, — сдержанно поблагодарила она.

— Царица Савская, — на ухо свистнул один оператор другому, — королева Марго. Говорят, зараза и стерва — не приведи господи!

— Зато ноги — блеск, — отреагировал коллега, известный ходок по дамской части. — Такие бы ноги, да какой-нибудь кысочке, а они аллигатору достались!..

Они проводили ее взглядами — прямая спина, короткие белые волосы, сужавшиеся на длинной шее, маленькое ухо с бриллиантовой гроздью, тонкий запах сложных духов.

Э-эх!..

Шубы, бриллианты и мужчины, да еще каждый день!.. Вот это баба!..

Выйдя из студии, она первым делом включила телефон. Знала, что за час, который была вне зоны приема, ее наверняка разыскивали десять раз, а может, двадцать, а может, сорок, но проверить автоответчик не успела — телефон зазвонил.

— Инна, я вас провожу, — из-за спины начала было продюсерша, но та ответила быстрой улыбкой и повернулась спиной, что означало — подожди, не мешай.

Звонил муж, два месяца назад превратившийся в бывшего. То есть развели их вчера, а два месяца назад он решительно объявил ей, что «все кончено».

До этого он тоже говорил «кончено», но не уходил, а два месяца назад ушел.

— Привет, — сказал он озабоченно, — ты где? В Москве?

— В Москве.

— Ах да! — спохватился он. — Только что по телевизору видел!

— Ну и как тебе программа?

— Я не стал смотреть, — с готовностью признался он, и она моментально поняла, что телевизор был упомянут специально ради того, чтобы сказать ей, что он «не стал смотреть» — переключил на футбол.

— Ну и как тебе футбол?

— А? — переспросил бывший муж, немного растерявшись. — А, ничего. Все в порядке. Слушай, Иннуль, а где мой костюм? Ну, знаешь, с жилеткой? Что-то я его не могу найти, а Анька, зараза, смылась.

«Зараза Анька» — домработница — смылась неспроста.

«Я его если увижу, Инна Васильевна, — чуть не плача сказала она, перед тем как Инна уехала в «Останкино», — я ему в рожу вцеплюсь! Вам же хуже будет. Отпустите меня, а?!»

Инна ее отпустила, и бывший муж собирал теперь свою часть «совместно нажитого имущества» в полном одиночестве.

Нелегко ему, бедняге, подумала Инна.

Всю жизнь за ним ухаживали — сначала мать с бабкой, потом первая жена, потом она, Инна, а теперь вот «новая счастливая семейная жизнь» подключилась. Но так как «новая счастливая» не могла ухаживать за ним в Инниной квартире, пришлось ему самому трудиться, и, как видно, от непосильного труда он уже изнемог. Собирать вещи, когда ни разу за всю жизнь не поинтересовался, где они лежат, — вот, черт побери, задача!..

Зато Инна все хорошо знала — про костюмы, майки, шорты, двухтомничек Мандельштама, бритвенный прибор, коробку с компакт-дисками — джаз, разумеется! — про два десятка шелковых галстуков и пяток сложных концептуальных фильмов Вуди Аллена и Питера Гринуэя.

Больше от мужа ничего не осталось.

«Давайте я все соберу и у двери поставлю, — с ненавистью предложила Аня. — Он тут нам все перебурует, если сам собираться станет!»

Но Инна не желала облегчать его и без того веселую жизнь.

«Перебурует — разберем», — мрачно ответила она домработнице и уехала на съемки.

— Иннуль, где костюм?

— В гардеробе с правой стороны. За твоей зимней курткой, — автоматически ответила она. Продюсерша

за спиной разговаривала с кем-то из группы, голос был недовольный.

— Куртку я уже упаковал, — радостно сообщил муж, — а костюм что-то... Подожди, я сейчас посмотрю.

И она стала ждать. Он сказал: «Подожди, я посмотрю», — и она послушалась. Как всегда. Не положила трубку, не отключила телефон, не послала его к чертовой матери.

Ему нравилось, что она так от него зависит. Так слушается. Так переживает.

В последнее время ему еще очень нравилось собственное положение — умница, красавица, начальница, интеллектуалка Инна умоляла его не уходить, «подумать», «попробовать еще раз», обещала, что «все теперь будет по-другому», плакала, не спала, курила, даже подурнела, вот как убивалась!..

А он всю и от души играл — разочарованного мужа, задавленного непониманием и неприятием «родной жены», которой давно опостылел холодный семейный очаг, которая «пустилась во все тяжкие», «растоптала», унизила, оскорбила, собственноручно убила «большое светлое чувство» — и получила по заслугам! Он ушел «к другой», которая понимает, разделяет, у которой правильная «система ценностей», и вместе с этой «другой» и ее подходящей системой он вволю наслаждается джаза и этнической музыки и с утра до ночи сможет декламировать из Мандельштама — «другая» поймет!

Кларк Гейбл, черт возьми!..

Самое главное, что он и чувствовал себя почти Кларком Гейблом — свободным, чувственным, раскрепощенным, обожаемым женщинами, которые борются за него, и жена — блестящая, умная, высокопоставленная! — проиграла!.. Он выбрал «новую счастливую семейную жизнь», а старую затоптал в пыль, да еще плюнул в самую середину.

— Нашел, — весело сказал он в трубке. Был уверен, что она все еще ждет, и не ошибся. — Он же в мешке, а я так искал.

— Все, Виктор? — холодно спросила она. — Я еще в «Останкино», у меня... дела.

— Ты когда приедешь?

— Не знаю. Не скоро.

— Приезжай, — позвал он. — Давай хоть простимся, как люди!

— Виктор, мы пытались, как люди, и у нас ничего не вышло.

— Это у тебя ничего не вышло. — Он ехидно засмеялся. — Я же тебе говорил, чтобы ты перестала дергаться. Я тебе не нужен, и ты мне не нужна.

— Ты мне нужен, — сквозь зубы сказала она.

Господи, почему она опять позволяет ему втягивать ее в этот нелепый, нескончаемый, кошмарный разговор, который они вели уже полгода!

Ему нравилось слегка подшучивать над ней, натягивать и ослаблять веревку, в которую уже была просунута голова повешенного — ее голова! И она могла точно сказать, когда именно понравилось: когда он заявил, что «все кончено» — как в кино! — а она зарыдала и стала умолять его остаться, и он остался, снисходительный к ее слабостям, обрадованный ее унижением, мужчина-победитель, можно даже сказать, орел-мужчина, в одну минуту отряхнувший с ладоней прах десятилетней совместной жизни.

— ...Приехала бы, — говорил он в трубку, — попили бы кофейку, я «Божоле» привез. Посидели бы, Иннуль!

— Витя, если ты не знаешь, где твои вещи, Аня завтра все соберет. Я не приеду.

— Ну, как хочешь. А ты где? Ах да, в Москве!.. Когда улетишь?

— Я не знаю пока. Я только прилетела.

— А что? Дела?

— Дела. Виктор, я больше не могу разговаривать.

— Да брось ты, — сказал он добродушно, — не страдай. На самом деле ты сама во всем виновата. Помнишь, как я...

Но тут она не далась.

Ей некуда бежать — со всех сторон жала стальная клетка, а она была зверем, которого прижимали к сетке, и кололи ножами, и до крови били в ребра и зубы, и еще сапогом в незащитный живот, но почему-то все никак не убивали до конца — оставляли забаву «на завтра», чтобы опять прийти и опять колоть, и так без конца.

Но на этот раз она не далась.

— Пока, — попрощалась она стремительно. В желудке было холодно и тяжело, как будто она наглоталась речных камней. — Передавай привет нашей молодой. Скажи, что я ей сочувствую. У нее впереди много интересных и занимательных открытий.

— Ты просто сука, — сказал муж равнодушно, и телефон замолчал.

Инна вытерла ладони о юбку и посмотрела — на ткани остались следы пятерни.

— Инна Васильевна!..

— Да.

— Вы уже уходите? Генеральный просил непременно проводить вас к нему! Он не знал, что вы у нас сегодня в эфире, и просил прощения, что не встретил, и...

— У меня самолет, — соврала она, — через час. Я... и так опаздываю. Привет Паше.

Пашей — Павлом Алексеевичем — звали генерального, и при мысли о том, что она должна с ним встретиться, не приведи господь — ужинать, разговаривать, слушать, камни в желудке пришли в движение и ползли друг на друга.

Мой муж в моей квартире сейчас собирает вещи, чтобы уйти от меня навсегда, а вы разговариваете со мной, словно я нормальный человек, такой же, как вы все!

Его никогда больше не будет в ее жизни, а она — идиотка! — считала, что с ней ничего такого ни за что не случится! Она была почему-то уверена, что оба они слишком умны, чтобы вот так, ни с того ни с сего, удариться в «новую счастливую семейную жизнь» — все с тем же Мандельштамом, джазом и «Божоле», с которых когда-то началась их «счастливая жизнь»!

Водитель все знал. Он возил ее последние семь лет: сначала — когда она стала замом председателя скромной телерадиокомпании, потом — когда перешла в пресс-секретари, и теперь — когда руководила «средствами массовой информации» огромного Сибирского края.

Он все знал. И все сделал по-своему.

Инна точно помнила, что ничего не говорила ему, когда садилась в машину, и он ей ничего не говорил. И потом ничего не говорила, когда, сгорбившись, покачивалась на заднем сиденье, неотступно и тяжело думая о куртке, которую муж, наверное, уже забрал и сунул в рюкзак, а ей так нравилась эта куртка, и Виктор в ней тоже нравился. И еще думала о том, что завтра ей возвращаться в Белоярск, а до этого запланирована встреча с новым начальником из администрации президента, и неплохо бы до нее посмотреть бумаги, которые она готовила. А потом нужно попытаться надавить на губернатора, который отродясь с прессой «не водился» и вообще отчасти не понимал, кому она нужна, эта пресса, — и об этом она тоже думала, и о десятке других важных и нужных дел, но все заслоняла куртка, которую он забрал, и это значит — все, конец, больше ничего не будет.

Она очнулась, когда поняла, что машина больше

не едет. Почему-то вдруг накатила такая усталость, как будто она ворочала жернова на мельнице.

— Мы где? — Инна посмотрела в окно и не узнала. — Где мы, Осип Савельич?

Водитель с таким диковинно-литературным именем глядел на нее из зеркала заднего вида. Вид у него был угрюмый. Не только именем, но и видом он походил на кулака и белобандита из романа-эпопеи «Вечный зов».

— Ты бы, Инна Васильна, не убивалась так уж, — мрачно сказал он. — Молодая, красивая, богатая, карьеру вон какую сделала! Из-за какой-то... тьфу!.. мокрицы так себя изводить!..

Водитель был проверенный боевой товарищ, лучший друг, член семьи, он имел право говорить все, что угодно, но пользовался этим правом очень редко — даром что походил на кулака, а понимал ситуацию, как любой придворный!

Инна молчала.

Он имел право говорить. Она имела право не слышать.

— Куда ты меня завез?

— Да куда я тебя не завез! В пансионат завез! Я как услышал, что сегодня твой... Хулио Иглесиас нагрянет, я сразу сестре позвонил, она директорствует тут. Нечего тебе сегодня домой ехать, здесь переночуешь, она уж отдельную дачку для тебя приготовила! Анька завтра с утра все там уберет, тогда поедешь, а сегодня — погоди, побудь на дачке!..

— Ну ты даешь, Осип Савельич, — тихо сказала Инна, — или тебе с сестрой надо увидеться?

— Вот еще, — оскорбился водитель, — я с ней и так в любой момент могу увидеться!

— И убирать там ничего не нужно, — продолжала она, — не за покойником ведь!

— Да лучше б он сдох!..